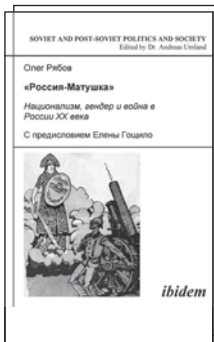

Helena Goscilo and Andrea Lanoux (eds.).

Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2006. 267 pp.

Олег Рябов. *«Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века.* Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007. 290 pp.

Данные книги, посвященные изучению связей между такими конструктами, как «гендер» и «нация», в русской культуре XX в., выдвигают убедительный аргумент о необходимости учитывать подобный анализ для понимания русской и советской националистической идеологии и практики. Сборник под редакцией Гошило и Лану, в который вошли работы целого ряда исследователей, является своего рода продолжением книги Сары Ашвин «Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia» (2000), однако фокусируется преж-

де всего на переплетении гендерной и национальной идентичностей в целом ряде культурных практик, начиная от кинематографа и телевидения и кончая мемуарами и военными песнями. Что касается концептуальных рамок сборника, Гошило и Лану помимо прочего вдохновлены книгой Сюзан Гал и Гейл Клигман «The Politics of Gender after Socialism» (2000) и используют для анализа советской и постсоветской России предложенный в данном исследовании широкий охват гендерной, семейной и репродуктивной политики в социалистических и постсоциалистических странах Восточной Европы.

Книга Рябова представлена как продолжение его более ранней работы, которая (что вносит неразбериху) озаглавлена сходным образом — «Матушка-Русь» (2001). Наиболее существенные концептуальные сдвиги по отношению к его более раннему, «социофилософскому» анализу порождения национальной идентичности в России включают введение, как кажется, более мощного аналитического инструмента — заимствованного у Фуко понятия «дискурс», а также сужение предмета исследования до более специфического исторического контекста, а именно — военных лет.

Обе книги написаны в рамках сходных теоретических и методологических парадигм. Елена Гошило является автором англоязычного предисловия к книге Рябова, где знакомит западного читателя с его предыдущей работой, а также с настоящим томом. В свою очередь Рябов использует в известной мере работы сборника под редакцией Гошило и Лану в своем анализе, и в сокращенном виде его исследование без труда могло бы стать одной из глав сборника.

Обе книги посвящены изучению пересечений гендерной и национальной идентичностей прежде всего в репрезентационной и дискурсивной практиках. Поэтому значительная часть анализа отведена, с одной стороны, тому, как гендерные тропы используются в рамках (эмоционально нагруженных) метафорических репрезентаций российского/советского государства и нации (например, в пропаганде военных лет или интеллектуальных писаниях, посвященных национальному вопросу), а с другой — тому, как мужчины и женщины изображаются в качестве конститuentов советской/российской нации на основе их различных (гендерно окрашенных) социальных ролей (например, в государственном законодательстве о семье, массовой культуре, в политических, художественных репрезентациях женщины, в спорах о демографических проблемах, позициях по поводу гомосексуализма, проституции, аборт и т.д.).

Следуя Фуко, оба исследования, разумеется, предполагают, что «дискурс» не ограничен сферой «репрезентаций», но неразрывно связан с фундаментальными властными отношениями в обществе и что, следовательно, он напрямую формирует жизнь живых женщин и мужчин. Тем не менее, будучи исследованиями в сфере культурной истории, обе книги по большей части обращаются к сфере культурной продукции, символической репрезентации и коллективного воображения.

В обеих книгах заметно определенное напряжение между, с одной стороны, классическим бинарно-полярным пониманием гендера (мужское vs женское), которое прежде всего имеет отношение к гендерной идентичности или, точнее, к гендерному различию и гендерным властным отношениям, а с другой — стратегией превращения гендерной проблемы в гораздо более широкий и сложный вопрос о том, как динамика конкретных социальных систем репродукции структурирует властные отношения в данном обществе (и в более широком смысле как репродуктивные отношения, включающие вопросы гендерного различия, но не сводимые к ним, артикулируются символически и выстраиваются институционально).

Метафора «семьи», например, подробно анализируется в обоих исследованиях, которые демонстрируют ее ключевой характер для фигуративного связывания гендера и нации. Гендерные отношения становятся частью более масштабной метафоры социального порядка и затем используются в фигуративных репрезентациях «нации», в особенности через иерархии, закреплённые за определенными семейными моделями (традиционными, современными или постмодерными), а также через (реальное или фигуративное) инкорпорирование этих моделей в более широкие структуры государства и общества.

И тем не менее, поскольку обе книги исходят из парадигмы гендерных исследований, гендерный бинаризм продолжает оставаться их основной аналитической точкой отсчета. Иными словами, хотя оба исследования демонстрируют отчетливую готовность расширить сферу исследования до более общего вопроса о социальной, символической и институциональной организации репродуктивных систем, в данных работах гендер не подвергается тотальной реторетизации как функция репродукции, или, точнее говоря, он не подчинен эксплицированным образом гораздо более сложной (небинарной) структуре репродуктивных отношений в качестве ключа для более полного понимания того, как функционирует власть в конкретном обществе. Вследствие этого большая часть анализа, представленного в обеих книгах, вращается вокруг деконструирования гендерных стереотипов и крити-

ческого исследования разнообразных «культов» и «кризисов» маскулинности или фемининности в советском и постсоветском обществах.

Одним из достоинств сборника Гошило и Лану является многообразное и сбалансированное исследование гендера, изучение очень разных аспектов как мужских, так и женских идентичностей в России на протяжении всего XX в., того, как они манифестировали себя в разных областях культуры. Введение, написанное редакторами и озаглавленное «Заблудившийся в мифах», задает концептуальные рамки тома, а также предлагает всеобъемлющий исторический нарратив изменчивой мифологии, при помощи которой осуществлялось гендерное структурирование русских как нации в XX в., — от традиционного союза царя-батюшки (патриархального правителя империи-государства) и матушки-Руси (материнского воплощения национальной души) до постсоветского падения уровня рождаемости и роста проституции в качестве дополняющих друг друга метафор «нации в состоянии кризиса»; от утопической большевистской модели «гендерно равноправного» сотрудничества Нового Мужчины и Новой Женщины до сталинского СССР как «большой семьи», которой руководит Отец народов; от предполагаемой маскулинизации номенклатуры компартии до якобы феминизации диссидентства эпохи застоя.

Десять выстроенных в хронологическом порядке глав данного сборника охватывают исключительно широкий круг тем. Валентина Зайцева предлагает обзор того, как национальная идентичность конструируется в русском языке — в повседневной речи, а также в дискурсе политической пропаганды. Она помещает свой анализ в контекст некоторых более общих «сексизмов» (грамматических и социокультурных), которые характеризуют русский язык.

Елена Гошило деконструирует троп «вдовы» в русской литературе и мемуарах, особо фокусируя свое внимание на той роли, которую он играет одновременно в символизации национальной жертвенности и национального выживания.

Элизабет Джонс Хеменвей исследует агиографию образцовых большевичек и анализирует место этой мемуарной литературы в конструировании новой советской идентичности в 1920-е гг. Она полагает, что, несмотря на риторику гендерного равенства, женщины-революционерки продолжали изображаться в терминах традиционной образности женственности, прежде всего как матери и сестры или воплощения духовной стороны революции, в то время как утопический идеал «свободно любя-

щей», сексуально независимой Новой Женщины оставался подавленным.

Лиля Кагановски обращается к фильму Николая Экка «Путевка в жизнь» (1931), рассматривая его как двусмысленный нарратив дисциплинирования советской маскулинности и советской нации, что репрезентируется трансформацией группы беспризорников в «новых советских людей» в заведении, напоминающем колонию Макаренко.

Сюзанн Амент пишет о хорошо документированном сдвиге в сталинистском дискурсе в сторону традиционной семьи и националистических ценностей во время Второй мировой войны и исследует манифестации этих явлений прежде всего в популярных военных песнях, на материале которых она описывает предсказуемые типы идеализации России и Сталина, а также героизма и жертвенности «простых» советских мужчин и женщин.

Елена Прохорова останавливается на кризисе маскулинности в постсталинскую эпоху, который она возводит к разрушению традиционной семейной модели в 1920–1930-е гг., а также замене на институциональном уровне семейного «патриарха» государством, а на символическом — Сталиным. Затем она обращается к некоторым двусмысленным попыткам брежневской эпохи возродить советскую маскулинность при помощи нескольких культовых сериалов 1970-х гг. — «Семнадцать мгновений весны», «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

Мишель Ривкин-Фиш анализирует позднесоветский и постсоветский дискурс о российском демографическом кризисе, предлагая полезный исторический обзор того, как эта проблема инкорпорировалась в русскую националистическую риторику, одновременно демонстрируя бросающееся в глаза неучастие женских ассоциаций в выработке репродуктивной политики данной эпохи.

Элиот Боренстин обращается к образу «проститутки», прежде всего в эпоху перестройки и в начале 1990-х гг., анализируя его как метафору «России на продажу», — в этой метафоре просматриваются сплетенные тревоги русских мужчин по поводу мужской доблести и национальной гордости.

Яна Хашамова предлагает обзор новых типов культурного конструирования мужских и женских идентичностей в российском кинематографе 1990-х гг.; она полагает, что в постсоветском кино мужская идентичность репрезентируется в качестве гораздо более травмированной и дестабилизированной новы-

ми социоэкономическими условиями, чем женская. Она интерпретирует это явление как следствие определенной растерянности патриархальной идентичности перед лицом противонаправленных тенденций — дестабилизирующей комбинации зависимости от (лакановского) символического «Отца» и недоверия к нему; российская маскулинность оказалась в этой ситуации после падения Советского Союза.

Наконец, Люк Бодуэ анализирует современные типы конструирования гомосексуальности в России (гомо- и гетеросексуалами); он полагает, что гомосексуалисты все еще являются «неисчислимой вещью», за которой просматривается идеализированное «литературное» прошлое, которое воплощает Серебряный век, причем одновременно с этим конструирование гомосексуальности остается в высшей степени зависимым от вестернизированного сексуального массового рынка и пребывает в поисках своего собственного «исполненного гордости» голоса.

Книга Рябова охватывает те же самые временные рамки, что и сборник под редакцией Гошило и Лану. Теоретической перспективой рябовского анализа является деконструкция образа «России-матушки» как эмблематического обозначения гендерно структурированной природы русского националистического дискурса (одновременно в его банальной и не очень банальной разновидностях), хотя исследование Рябова далеко выходит за означенные пределы по своим масштабам и претензии.

Первый раздел книги Рябова является методологическим, где автор с пользой для читателя определяет свои ключевые концепты, такие как «дискурс» (апеллируя по большей части к Фуко), «гендер» (используя дефиниции Джоан В. Скотт и Р.В. Коннелла), а также «национализм» (полагаясь прежде всего на Энтони Смита). В этом разделе также дается полезное описание того, как дискурсы нации и гендера исторически скрещивались в контексте насилия, порожденного войной.

Во втором разделе Рябов высвечивает значимость стратегии «гендеризации» конкретной нации как «другого». Пользуясь достижениями постколониальной теории (например, «ориентализмом» Эдварда Саида, а также идеей Стюарта Нолла о «Западе и всем остальном»), Рябов подчеркивает важность гендерно структурированного превращения России Западом в «другого»; в высшей степени зависимым от этих попыток оказывается гендерно структурированный самообраз России.

Третий раздел исследования Рябова представляет собой хронологически выстроенное описание роли гендерных стерео-

типов в русском националистическом дискурсе, начиная от писаний философов Серебряного века, таких как Розанов и Бердяев (специальность Рябова), и вплоть до недавних примеров националистического мачизма, характерного для эры Путина. Тем не менее данная часть книги посвящена прежде всего военному контексту (с подглавами, отведенными Первой мировой войне, Гражданской войне, Второй мировой войне и «холодной войне»). Здесь Рябов работает не только с текстуальными репрезентациями, но и с визуальными образами, особенно с теми, которые использовались в пропагандистских плакатах и газетных карикатурах. Его деконструкция гендерных стереотипов от одной войны к другой является информативной и интересной, однако стремление к исторической полноте делает данный раздел книги несвободным от повторений, причем анализируемые метафоры оказываются предсказуемыми.

Думается, что эту умеренную критику предсказуемости следует распространить на обе книги. Оба исследования, несомненно, дают насыщенный анализ того, как обозначение гендерных различий структурирует и русскую националистическую риторику, и повседневное воображение русской национальной идентичности.

В книгах можно найти ценные соображения о том, как русская идентичность выстраивается гендерно как самими русскими, так и Западом. Представленные исследования демонстрируют значимость гендеризации нации в случае экстремальных и травматических событий, таких как война, а также в контексте абсолютно тривиальных явлений мирного времени, вроде популярных телевизионных драм.

Между тем, проанализировав обе книги, рецензент не может не ощущать, что все еще чувствует себя несколько заблудившимся в мифологии гендерных стереотипов, в их бесконечной и в конечном итоге несколько утомительной культурной утилизации и переработке, осуществляющейся от одной эпохи к другой. Основной вопрос, остающийся открытым, заключается в том, способен ли на самом деле анализ, построенный на бинарной логике своего основного концепта, диалектически избежать этой логики или же он принужден оставаться в плену у той самой мифологии бинарных различий, которую пытается деконструировать.

Энди Байфорд

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума